

4. Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский союз, Соедин. Штаты Америки, Япония, Индия: учеб. пособие / [сост. сб., пер., авт. введ. и вступ. ст. В.В. Маклаков]. – 5-е изд. перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 608 с.

5. О политических партиях: Закон Респуб. Беларусь от 05. 12. 1994г., №3266-ХП в ред. Закона Респуб. Беларусь от 4 ноября 2013 г. № 71-3 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс] / ООО “ЮрСпектр”. – Минск, 2016.

6. Конституции государств Америки: В 3-х т. / Под ред. д.ю.н. проф. Т.Я. Хабриевой. – Т.3: Южная Америка. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2006. – 1168 с.

УДК 342

ПРАВО НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВОМ НЕГЛАСНОГО СБОРА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Е.В. Коннова,

доцент кафедры международного права Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук

Е.В. Ходарцевич,

магистрант кафедры международного права Белорусского государственного университета

Негласный сбор персональных данных в сети Интернет – противоречивое явление, которое может быть направлено на защиту национальной безопасности государств, но несмотря на благую цель подвергается критике со стороны общественности, так как в нем видится серьезное нарушение прав человека, в частности, – и в особенности, – права на неприкосновенность частной жизни. Осуществление негласного сбора персональных данных в сети Интернет ставит ряд вопросов в контексте применения международного права прав человека. В первую очередь, они касаются применимости обязательств, вытекающих из Международных пактов по правам человека 1966 г. к действиям, совершаемым государствами в киберпространстве.

Целью данной работы является определение допустимости негласного сбора государством персональных данных в сети Интернет с точки зрения закрепленного в международном праве права на неприкосновенность частной жизни. При этом под негласным сбором государством персональных данных в сети Интернет будет пониматься получение государственными органами или должностными лицами информации из сети Интернет о физическом лице, которое может быть определено посредством использования данной информации вместе с другими доступными данными и ее сосредоточение в любой из возможных форм, осуществленное без ведома и без согласия на данные действия субъекта данных.

Право на неприкосновенность частной жизни закреплено во Всеобщей декларации прав человека (ст. 12) и Международном пакте о гражданских и политических правах (ст. 17). Генеральная Ассамблея ООН в резолюции A/RES/68/167 среди прочих прав человека подтвердила применимость в Интернете «права на неприкосновенность личной жизни» (п. 3) [1]. Учитывая спорность экстерриториального применения Международного пакта о гражданских и политических правах (далее – МПГПП, Пакт), необходимо рассмотреть применимость ст. 17 Пакта в контексте двух возможных ситуаций негласного сбора персональных данных в сети Интернет:

а) осуществление государством негласного сбора персональных данных в сети Интернет о своих гражданах, а также иностранных гражданах, находящихся на территории данного государства;

б) осуществление государством негласного сбора персональных данных в сети Интернет об иностранных гражданах, находящихся вне территории государства, осуществляющего сбор.

Применимость МПГПП при осуществлении государством негласного сбора персональных данных в сети Интернет о своих гражданах, а также иностранных граждан, находящихся на территории данного государства. В отношении негласного сбора персональных данных любого лица действует п. 1 ст. 2 МПГПП, которая устанавливает обязательство по уважению и обеспечению «всем находящимся в пределах территории государства и под его юрисдикцией лицам» прав, закрепленных в Пакте, «без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических и иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства». В Пакте устанавливаются не только обязанности по уважению и обеспечению прав, но и принцип недискриминации в отношении всех лиц, находящихся на территории государства и под его юрисдикцией. Следовательно, вне зависимости от гражданства человека, если он находится на территории данного государства, государство обязано уважать и обеспечивать его права, закрепленные в Пакте, точно так же, как и права своих граждан, без каких-либо ограничений и изменений. Такой подход нашел отражение в п. 35–36 Доклада Управления Верховного комиссара ООН по правам человека «О праве на неприкосновенность личной жизни в цифровой век» [2].

Применимость МПГПП при осуществлении негласного сбора персональных данных в сети Интернет об иностранных гражданах, находящихся вне территории государства, осуществляющего сбор. П. 1 ст. 2 МПГПП устанавливает обязанность государства уважать и обеспечивать права «всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам». На основании буквального толкования данной нормы можно сделать вывод, что обязательства по Пакту имеют лишь территориальное применение. В этом случае государство, осуществляющее негласный сбор персональных данных в сети Интернет, связано обязательствами по правам человека только перед лицами на его территории и под его юрисдикцией.

Важное значение в этом контексте имеет элемент рассматриваемой нормы, распространяющий обязательства по Пакту на лиц, находящихся *под юрисдикцией* государства. Этот элемент позволяет применить обязательства по Пакту

экстерриториально – вне территории государства, осуществляющего действия, которые могут нарушить закрепленные Пактом права человека. Возможность экстерриториального применения МПГПП подтверждается мнениями Комитета по правам человека ООН, Международного Суда ООН, других органов, занимающихся толкованием Пакта.

В своем Замечании общего порядка № 31 (п. 10) Комитет по правам человека ООН установил, что «государство-участник обязано уважать и обеспечивать любому лицу, находящемуся в пределах компетенции или эффективного контроля этого государства-участника, права, признаваемые в Пакте, *даже если лицо не находится на территории государства-участника (курсив наш – Е.К., Е.Х.)*» [3]. В качестве примера такого экстерриториального применения МПГПП Комитет по правам человека ООН приводит действия национального контингента государства-участника, выделенного для участия в международной операции по поддержанию или укреплению мира.

В Консультативном заключении относительно *правовых последствий строительства стены на оккупированной палестинской территории* (2004 г.) Международный Суд ООН отметил, что Пакт имеет экстерриториальное действие «при осуществлении государством юрисдикции за пределами своей собственной территории» (п. 107–111) [4]. В Консультативном заключении экстерриториальное действие Пакта рассматривалось в контексте оккупации территории другого государства, когда вполне очевидно, что оккупирующее государство является тем государством, которое осуществляет юрисдикцию и контроль над находящимися на оккупируемой территории лицами.

Комитет по правам человека ООН подтвердил экстерриториальное действие обязательств по МПГПП при рассмотрении дел *Lopez Burgos v. Uruguay* (п. 12.1) [5], *Celiberti de Casariego v. Uruguay* (п. 10.3) [6]. В обоих случаях должностные лица Уругвая осуществляли арест на территории другого государства и перед Комитетом стоял вопрос о применимости соответствующих обязательств Уругвая по обеспечению прав человека вне его территории. Комитет по правам человека ООН исходил из того, что строго территориальное толкование МПГПП представляет собой его недобросовестную интерпретацию, позволяющую государству-участнику совершать нарушения Пакта на территории другого государства, чего быть не должно.

Подобный подход применялся и региональными судебными и квазисудебными органами по правам человека. В деле *Коурд и другие заявители против Соединенных Штатов Америки* Межамериканская комиссия по правам человека дала оценку жалобам о содержании под стражей и обращении с заявителями. Речь шла о действиях, которые допустили в отношении заявителей представители вооруженных сил США в ходе военной операции в Гренаде. Комиссия отметила, что «каждое из американских государств обязано обеспечивать защищаемые права каждому человеку, который находится под его юрисдикцией... В принципе, вопрос состоит не в предполагаемом гражданстве жертвы или присутствии в конкретной географической области, а в том, соблюло ли государство, под властью и контролем которого находится лицо, его права при определенных обстоятельствах» [7].

Неоднократно экстерриториальное действие признавал за обязательствами из Европейской конвенции прав человека и Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ). В качестве примеров можно привести дела *Issa and others v. Turkey*, *Ocalan v. Turkey*, в которых при аресте и содержании под стражей заявителей вне территории государства-ответчика, последнее было связано по отношению к истцам обязательствами по правам человека, вытекающим из Европейской конвенции. В то же время, по мнению ЕСПЧ, юрисдикционная компетенция государства является в первую очередь территориальной. Трансграничное осуществление государством своей юрисдикции рассматривается Судом как исключительное явление, требующее специального обоснования в свете конкретных обстоятельств каждого дела [7].

Очевидно, что рассмотренные ситуации – оккупация, арест, содержание под стражей – характеризуются, во-первых, несомненным контролем, который государство осуществляет над лицами, обладающими правами человека, во-вторых, явной постановкой проблемы об экстерриториальности – возможные нарушения прав физически осуществляются вне границ действующего государства. Провести аналогию с подобными ситуациями в киберпространстве достаточно сложно. Киберпространство ограничено лишь существующими структурами аппаратной части системы, которые находятся на территории того или иного государства [8, с. 35], однако внутри киберпространства нет границ и территории. Возможно ли осуществление юрисдикции над территорией или над лицами в киберпространстве?

Отвечая на этот вопрос в докладе «О праве на неприкосновенность личной жизни в цифровой век», Управление Верховного комиссара ООН по правам человека следующим образом объясняет осуществление юрисдикции и контроля в киберпространстве. «Цифровое слежение может задействовать обязательства государства в области прав человека, если такое слежение сопровождается осуществлением властных полномочий или эффективным контролем государства в отношении инфраструктуры цифровой связи, где бы она ни находилась, посредством прямого перехвата информации или проникновения в данную инфраструктуру» [1].

В ходе негласного сбора персональных данных о физическом лице, находящемся вне территории государства, осуществляя негласный сбор персональных данных в сети Интернет, государство собирает информацию: возможно, путем прямого ее перехвата, а возможно, путем проникновения в необходимую инфраструктуру. Следовательно, государство, предпринимающее негласный сбор персональных данных, осуществляет эффективный контроль инфраструктуры цифровой связи. Лицо, чьи персональные данные собираются, таким образом находится в момент сбора данных под юрисдикцией государства в отношении этих действий. Это, по нашему мнению, обуславливает связанность государства, осуществляющего сбор, обязательствами, вытекающими из МПГПП, включая ст. 17, по отношению к лицу, чьи данные собираются, пусть это лицо и находится вне территории государства.

Экстерриториальная применимость ст. 17 МПГПП находит поддержку в доктрине международного права [8, с. 75; 9, с. 44–46]. Экстерриториальный ха-

рактер обязательства государств по защите неприкосновенности частной жизни и применимость этого обязательства в киберпространстве подтверждены также в региональной судебной практике. Норма, аналогичная норме о защите неприкосновенности частной жизни, содержащейся в ст. 17 МПГПП, закреплена в ст. 8 Европейской конвенции по правам человека. ЕСПЧ подтвердил экстерриториальное применение данной нормы в контексте осуществления электронной слежки за личной информацией двух ирландских неправительственных организаций британским правительством. В деле *Liberty and others v. United Kingdom* ЕСПЧ признал, что такие действия нарушают ст. 8 Европейской конвенции по правам человека [10].

Таким образом, обязательства государств в связи с правом на неприкосновенность частной жизни, вытекающие из МПГПП, распространяются на негласный сбор персональных данных в сети Интернет вне зависимости от территории, на которой производится такой сбор, и гражданства лица, чьи данные собираются. Это, однако, не означает, что любое осуществление государством негласного сбора персональных данных в сети Интернет непременно будет нарушением права на частную жизнь. В связи с этим необходимо рассмотреть вопрос о соотношении деятельности по осуществлению такого сбора с международными обязательствами государств по ст. 17 МПГПП.

В соответствии с п. 1 ст. 17 «никто не может подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным или незаконным посягательствам на неприкосновенность его жилища или тайну его корреспонденции или незаконным посягательствам на его честь и репутацию», а п. 2 ст. 17 уточняет, что «каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств». Таким образом, в международном праве закрепляется не только право на неприкосновенность частной жизни, но и право на защиту данного права в соответствии с законом.

При осуществлении негласного сбора персональных данных в сети Интернет, субъект данных не знает о том, что государство собирает его личную информацию. Не обладая сведениями о предпринятых действиях в отношении его личных данных, субъект данных не может обратиться, например, в Суд, чтобы обжаловать сбор информации, осуществленный государством, и защитить право на неприкосновенность частной жизни.

Из этого следует, что негласный сбор персональных данных в сети Интернет как минимум нарушает право на защиту неприкосновенности частной жизни лица, о котором без его согласия на такие действия были собраны данные. Однако право на неприкосновенность частной жизни не является абсолютным и может быть ограничено в соответствии со ст. 4 Пакта. Это значит, что при определенных обстоятельствах государства могут осуществлять негласный сбор персональных данных в сети Интернет, не нарушая норм закрепленных в Пакте.

Для определения допустимости ограничений в отношении прав, закрепленных в Пакте, Комитет по правам человека установил тест, в который были включены следующие критерии:

а) любые ограничения должны быть предусмотрены законом (п. 11–12) [11]. При этом согласно трактовке Комитета по правам человека, под законом понимается «норма, которая должна быть сформулирована достаточно четко, с

тем, чтобы дать лицу возможность соответствующим образом следить за своим поведением, а информация о ней должна быть доступна широким слоям населения» (п. 25) [12]. Таким образом, негласный сбор государством персональных данных в сети Интернет должен быть предусмотрен нормой национального права во избежание нарушения осуществляющим сбор государством его международных обязательств;

б) сама суть права человека не подлежит ограничениям (п. 13) [11]. Данный критерий связан с п. 1 ст. 5 Пакта, в которой закрепляется запрет на «уничтожение любых прав или свобод, признанных в настоящем Пакте, или ограничение их в большей мере, чем предусматривается в настоящем Пакте». Может показаться, что негласный сбор персональных данных в сети Интернет противоречит самой сути неприкосновенности частной жизни. Однако, формулировка ст. 17, запрещающая лишь «произвольное или незаконное вмешательство», определяет суть соответствующего права способом, допускающим подобное вмешательство в принципе;

в) ограничения должны быть необходимы в демократическом обществе (п. 11) [11]. ЕСПЧ в деле *Coster v. the United Kingdom* (пар. 104), определил, что вмешательство считается необходимым в демократическом обществе для достижения законной цели в случае, если оно отвечает «насуточной общественной потребности» (pressing social need) [13]. В решении по делу *Klass and others v. Germany* (пар. 44, 46) ЕСПЧ разъяснил, что потребность слежки может быть обусловлена, например, следующими «насуточными потребностями»: национальная безопасность и/или предотвращение беспорядков или преступлений [15]. Полагаем, обеспечение национальной безопасности действительно может представлять такую потребность и именно в интересах обеспечения национальной безопасности, как правило, государство и осуществляет негласный сбор персональных данных в сети Интернет. Однако ссылка на национальную безопасность не является самодостаточной. Представляется, для обоснования правомерности ограничения права на частную жизнь должно быть продемонстрировано, что именно такое ограничение и именно в отношении конкретного лица/группы лиц – или же другим образом конкретизированное – необходимо для обеспечения национальной безопасности, которая в ином случае оказалась бы под угрозой;

г) лица, которым поручено осуществление ограничений, не должны надеяться неограниченными дискреционными полномочиями (п. 13) [11]. При осуществлении государством негласного сбора персональных данных в сети Интернет необходимо учреждение независимого контрольного механизма, который бы следил за правомерностью действий, предпринимаемых в этой связи, что обеспечивало бы соблюдение данного критерия;

д) для того, чтобы ограничение считалось правомерным, оно должно не только служить достижению разрешенных целей; но и «должно являться необходимым для их защиты» (п. 14) [11];

е) ограничительные меры должны соответствовать принципу пропорциональности (п. 14 – 15) [11]. ЕСПЧ в деле *Uzun v. Germany* (пар. 26), пришел к выводу, что осуществление слежки через GPS соответствовало критерию пропорциональности, так как существовало подозрение о том, что лицо совершило пра-

вонарушение (значительной тяжести) и иные методы ведения расследования были бы не столь успешны [14]. В деле *Roman Zakhrov v. Russia* Большая Палата ЕСПЧ пришла к выводу, что прослушивание мобильных телефонов Российской Федерацией нарушает право на неприкосновенность частной жизни ввиду того, что, среди прочего: в соответствующем законе недостаточно четко определены категории людей, чьи телефонные переговоры могут прослушиваться; недостаточно четко определены ситуации, когда прослушивание телефонных переговоров должно быть прекращено; нет требования о немедленном уничтожении записей телефонных разговоров, которые не связаны с целями прослушивания [17]. Все эти обстоятельства указывают на несоблюдение требования пропорциональности ограничения права на неприкосновенность частной жизни и действуют аналогичным образом при осуществлении государством негласного сбора персональных данных в сети Интернет;

ж) любые ограничения не должны «противоречить осуществлению других прав, гарантируемых Пактом» (п. 18) [11].

При соблюдении указанных критериев негласный сбор государством персональных данных в сети Интернет может выступать правомерным ограничением права на неприкосновенность частной жизни и не нарушать обязательства государства из ст. 17 МПГПП. На соответствие тесту допустимости ограничения права на неприкосновенность частной жизни должен рассматриваться каждый конкретный случай осуществления сбора персональных данных в сети Интернет. Как представляется, при осуществлении электронной слежки за иностранными гражданами, находящимися за рубежом соблюдение некоторых из указанных критериев становится гораздо более затруднительным, чем при негласном сборе персональных данных на своей территории (например, критерий, согласно которому ограничение должно быть «предусмотрено законом»).

На основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы. Международные обязательства государств из ст. 17 МПГПП распространяются на негласный сбор государством персональных данных в сети Интернет вне зависимости от территории, на которой производится такой сбор, и гражданства лица, чьи данные собираются. При этом осуществление государством негласного сбора персональных данных может выступать правомерным ограничением права на неприкосновенность частной жизни и не нарушать соответствующих обязательств государства, если такой сбор соответствует установленным в международном праве критериям по ограничению прав человека.

Список использованных источников:

1. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/68/167 [Электронный ресурс]: [принята Генеральной Ассамблеей от 21 января 2014 года] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/449/49/PDF/N1344949.pdf?OpenElement>. – Дата доступа: 30.09.2016.

2. Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век [Электронный ресурс]: Доклад Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека от 30 июня 2014 года // Комитет по правам человека ООН. – Режим

доступа: www.ohchr.org/EN/HRBodies/HRC/RegularSessions/.../A_HRC_27_37_RUS.doc. – Дата доступа: 30.09.2016.

3. Замечание общего порядка № 31 [Электронный ресурс]: [принято 29 марта 2004 года на 2187-ом заседании Комитета по правам человека ООН] // Комитет по правам человека ООН. – Режим доступа: <https://goo.gl/ННТрNy>. – Дата доступа: 30.09.2016.

4. Консультативное заключение Международного Суда относительно правовых последствий строительства стены на оккупированной палестинской территории [Электронный ресурс] : Консультативное заключение Международного Суда ООН от 9 июля 2004 года // Международный Суд ООН. – Режим доступа: http://www.icj-cij.org/homepage/ru/advisory/advisory_2004-07-09.pdf. – Режим доступа: 30.09.2016.

5. Lopez Burgos v. Uruguay [Electronic resource] : Human Rights Committee's Communication No. R.12/52, U.N. Doc. Supp. № 40 (A/36/40) at 176 (1981). // Office of The High Commissioner For Human Rights. – Mode of access: http://www.ohchr.org/Documents/Publications/SelDec_1_en.pdf. – Date of access: 30.09.2016.

6. Celiberti de Casariego v. Uruguay [Electronic resource] : Human Rights Committee's Communication № 56/1979, U.N. Doc. CCPR/C/OP/1 at 92 (1984) // Office of The High Commissioner For Human Rights. – Mode of access: http://www.ohchr.org/Documents/Publications/SelDec_1_en.pdf. – Date of access: 30.09.2016.

7. Банкович и другие против стран НАТО [Электронный ресурс] : Решение ЕСПЧ. – РосЕвроСуд. – Режим доступа: <https://roseurosud.org/r/st-1/resheniya-espch-bankovich-i-drugie-protiv-stran-nato>. – Дата доступа: 29.09.2016.

8. Cyberspace and the State: Toward a Strategy for Cyber Power / D.J. Betz, T. Stevens – Routledge, Int. Institute for Strategic Studies: Oxon, 2011. – 162 p.

9. da Costa, K. The Extraterritorial Application of Selected Human Rights Treaties / K. da Costa. – Martinus Nijhoff Publishers, 2012. – 326 p.

10. Case of Liberty and others v. United Kingdom [Electronic resource] // European Court of Human Rights. – Mode of access: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-87207>. – Date of access: 30.09.2016.

11. General comment No. 27 [Electronic resource]: [adopted 01 November 1999] // UN Human Rights Committee. – Mode of access: <https://goo.gl/2yxgRb>. – Date of access: 30.09.2016.

12. Замечание общего порядка № 34 [Электронный ресурс]: [принято 11–29 июля 2011 г. Комитетом по правам человека ООН на 102 сессии в Женеве] // Комитет по правам человека ООН. – Режим доступа: <https://goo.gl/1pfuxc>. – Дата доступа: 30.09.2016.

13. Case of Coster v. the United Kingdom [Electronic resource] // European Court of Human Rights. – Mode of access: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-100293>. – Date of access: 30.09.2016.

14. Case of Uzun v. Germany [Electronic resource] // European Court of Human Rights. – Mode of access: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-59156>. – Date of access: 30.09.2016.

15. Case of Klass and others v. Germany [Electronic resource] // European Court of Human Rights. – Mode of access: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57510>. – Date of access: 30.09.2016.

16. Краткое изложение обстоятельств дела [Электронный ресурс] // Европейская конвенция о защите прав человека: право и практика. – Режим доступа: <http://www.echr.ru/documents/doc/2461406/2461406.htm>. – Дата доступа: 30.09.2016.

17. Российское законодательство, регулирующее прослушивание мобильных телефонов, не соответствует Европейской Конвенции [Электронный ресурс] : Пресс-релиз Секретаря Суда. – Европейский суд по правам человека. – Режим доступа: <https://goo.gl/vBruRS>. – Дата доступа: 30.09.2016.

УДК 342.7

ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА СВОБОДУ: К ВОПРОСУ УТОЧНЕНИЯ СУЩНОСТИ И СОДЕРЖАНИЯ

Е.А. Коротич,

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина

В отечественном законодательстве (конституционном и отраслевом) отсутствуют правовые нормы, определяющие понятие и содержание права человека на свободу. Однако если состояние законодательного аппарата Республики Беларусь в исследуемой области может быть объяснено отсутствием в Основном Законе государства самой конструкции «право на свободу», то такое же состояние зарубежного законодательного сегмента, например, России, Украины и ряда иных государств, конституции которых закрепляют указанную правовую конструкцию, вызывает вполне обоснованное недоумение. Как справедливо отмечает О.Г. Селихова, при отсутствии необходимой правовой основы «трудно не только определить, но и сохранить смысловое содержание обсуждаемого конституционного термина» [1, с. 40]. Вероятно, по этой причине российские ученые неоднократно подчеркивали необходимость законодательного определения сущности рассматриваемого права, в том числе путем издания специального нормативного правового акта (в частности, исследования О.Г. Селиховой [1, с. 188]). Подобная рекомендация особенно актуальна в свете того, что отмеченная пробельность законодательства, к сожалению, не компенсируется теоретико-правовыми исследованиями и научно-практическими комментариями в данной области: как показывает изучение отечественных и зарубежных литературных источников, профессионально-доктринальное толкование права на свободу отличается существенной поливариантностью. При этом в определении его сущности и содержания отчетливо прослеживается преобладание двух основных подходов: узкой и расширенной трактовки исследуемого правового блага.

Ученые, придерживающиеся узкого понимания права человека на свободу, в большинстве своем связывают данное право с правом на личную неприкосновенность и на этой основе сущность такового раскрывают через призму сво-